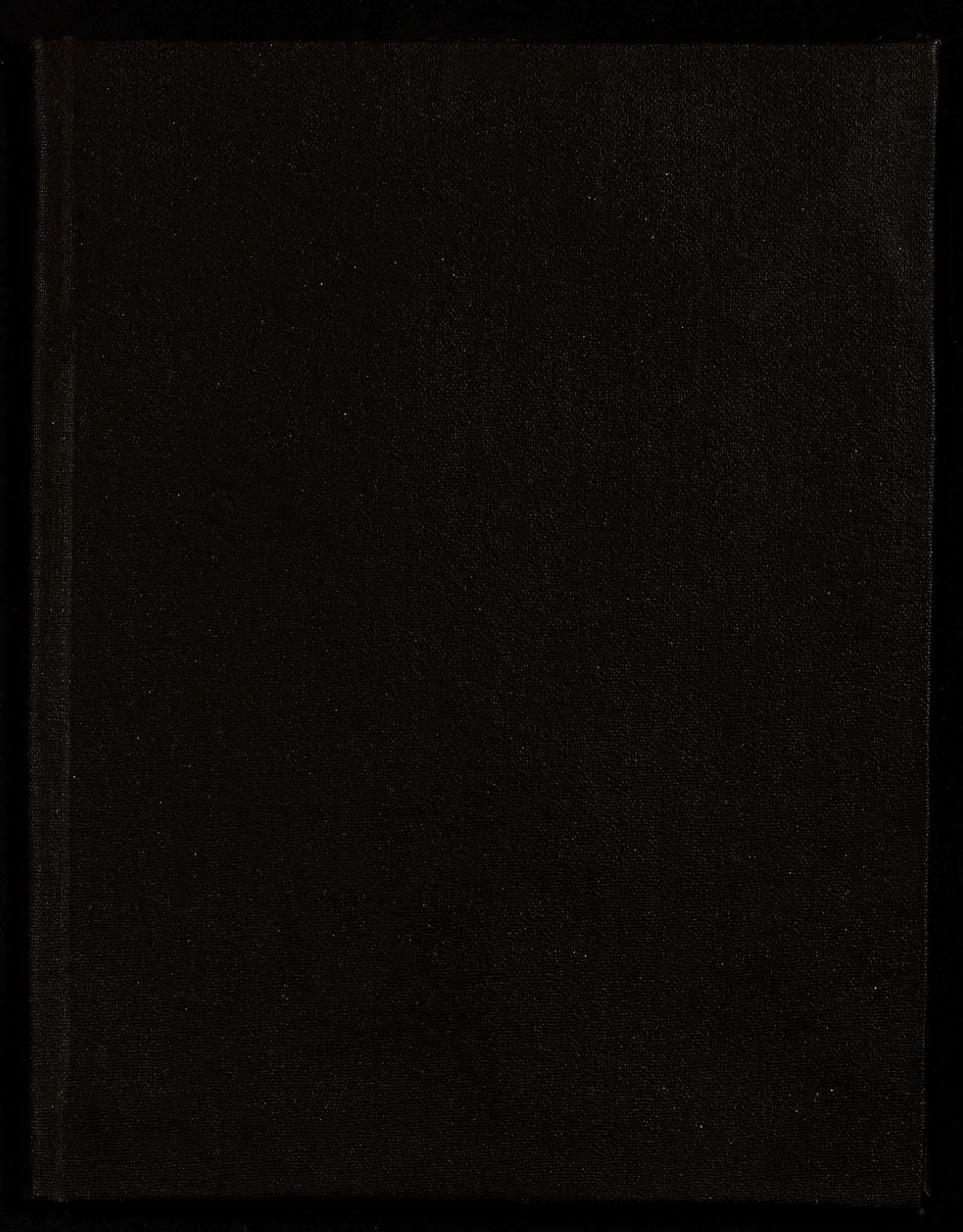

Въ школѣ и дома

Орловец

П. Дудоровъ

Первый русскій печатникъ Иванъ Федоровъ.

Историческій разсказъ изъ временъ царя Ивана Васильевича Грознаго.

Съ рисунками.

№ „ВЪ ШКОЛѢ И ДОМА". 6.

Орловец

П. Дудоровъ.

Первый русскій печатникъ Иванъ Федоровъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Съ рисунками.

МОСКВА.—1912.
Редакція и контора при книжномъ складѣ М. В. Клюкина.
Ваганьковскій пер., д. № 9.

Москва, Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

Первый русскій печатникъ Иванъ Федоровъ.

I.

Былъ 1553-й годъ.

Если бы кто посмотрѣлъ на тогдашнюю Москву, то совершенно не узналъ бы ее.

Огромныя площади, пустыри и улицы, застроенныя одноэтажными, деревянными домами, полное отсутствіе мостовыхъ и какого бы то ни было освѣщенія, кучи мусора, выбрасываемаго прямо на площади и улицы, дѣлали тогдашній городъ далеко не красивымъ.

На улицахъ и площадяхъ бродили толпы нищихъ, которые тутъ же и спали на мусорныхъ кучахъ.

Когда шелъ дождь, улицы и площади превращались въ едва проходимыя топи и болота, и такъ какъ для воды стоковъ никакихъ не дѣлалось, то она и оставалась послѣ дождя по недѣлямъ, смѣшиваясь съ навозомъ и разными отбросами и заражая воздухъ.

Но тогда люди были и этимъ довольны.

И если въ тѣ времена и было что красиво въ Москвѣ, такъ это Кремль, стѣны и нѣкоторыя постройки котораго сохранились прекрасно до сего времени.

День былъ немного пасмурный, но безъ дождя.

По улицамъ Москвы сновали прохожіе, купцы выкрикивали достоинство своихъ товаровъ.

Иногда, направляясь къ Кремлю, по улицамъ проползала огромная колымага, въ которой виднѣлась фигура стараго боярина, ѣхавшаго на службу.

Всѣ приближенные бояре должны были быть къ обѣднѣ въ полномъ сборѣ и присутствовать на ней вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ.

А такъ какъ этотъ день былъ праздничный, то всѣ бояре и боярскія дѣти спѣшили въ Кремль.

Кончилась обѣдня, которую соборне служилъ митрополитъ Макарій, и царь, получивъ благословеніе владыки, въ сопровожденіи бояръ двинулся въ царскіе покои.

— А владыку позови ко мнѣ,—проговорилъ царь, обращаясь къ своему стольнику, боярину Милославскому.—Скажи: дѣло есть, поговорить надо.

Бояринъ низко поклонился царю и возвратился назадъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ, повидимому, чѣмъ-то озабоченъ.

Дойдя до своихъ покоевъ, онъ отпустилъ бояръ и удалился въ рабочую горницу, приказавъ ввести туда митрополита.

Не прошло и десяти минутъ, какъ митрополитъ явился на зовъ.

Въ черномъ клобукѣ и длинной мантіи, онъ степенно вошелъ въ горницу, помолился на образа и, благословивъ царя, спросилъ:

— Государю угодно было послать за мной?

Царь молча указалъ митрополиту на кресло рядомъ съ собой.

— Видишь, владыко,—заговорилъ царь, когда митрополитъ опустился на кресло,—мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Я слушаю тебя, государь,—произнесъ митрополитъ.

— О священныхъ книгахъ говорить съ тобою я хотѣлъ,—сказалъ царь.

Митрополитъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— О священныхъ книгахъ?—переспросилъ онъ. Царь медленно кивнулъ головой.

Иванъ Грозный.

— Вѣдь вѣдомо тебѣ, что нынѣ строится много новыхъ церквей въ завоеванномъ нами Казанскомъ царствѣ... — проговорилъ онъ.

— Какъ же не вѣдомо!—отвѣтилъ владыка.

— А церковныхъ книгъ для всѣхъ церквей не хватаетъ,—задумчиво заговорилъ Иванъ Грозный.—Вотъ я приказалъ скупать на всѣхъ рынкахъ рукописныя книги и отсылать ихъ казанскому владыкѣ Гурію, а что вышло? Купили-то много, да толку мало...

— Истинно говоришь, государь,—отвѣтилъ митрополитъ.—Изъ всѣхъ купленныхъ книгъ только немногія оказались годными. Въ другихъ же такъ много пропусковъ, ошибокъ, описокъ и искаженій, что и исправить-то ихъ никакъ нельзя-то!

— О томъ и думалъ я, — проговорилъ царь. — И хотѣлъ я посовѣтоваться съ тобой. Вѣдомо мнѣ, что въ иноземныхъ государствахъ давно уже отъ руки книги не пишутъ, а на особыхъ станкахъ ихъ печатаютъ и тѣ книги красиво выходятъ и ошибокъ въ нихъ нѣту.

— Знаю и я это, государь,—произнесъ митрополитъ.

— А что если и мы съ тѣми станками работать начнемъ?—спросилъ царь.

Митрополитъ серьезно посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Эта мысль внушена тебѣ самимъ Богомъ,—произнесъ онъ.—Это даръ, свыше исходящій.

— Ты думаешь?—спросилъ царь.

— Я самъ думалъ уже объ этомъ,—отвѣчалъ митрополитъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Ну, тогда съ Богомъ и начнемъ, — проговорилъ наконецъ царь, вставая.—А ты, владыко, тѣмъ временемъ постарайся отыскать свѣдующихъ людей. Я же прикажу особый домъ для этого построить.

Митрополитъ далъ благословеніе и вышелъ изъ царскихъ покоевъ.

II.

Прошло десять лѣтъ.

Въ небольшой квартирѣ дома церкви Николы Гостунскаго сидѣло два человѣка.

Это были діаконъ церкви Николы Гостунскаго, Иванъ Федоровъ, и Петръ Тимофеевъ, прозванный Мстиславцемъ.

Иванъ Федоровъ былъ высокій, крѣпкій мужчина съ умнымъ, простымъ лицомъ, обрамленнымъ бородою.

Одѣтъ онъ былъ въ кафтанъ того времени, въ высокіе сафьяновые сапоги, а волосы его, поверхъ лба, стягивала ременная тесьма.

Его собесѣдникъ былъ пониже ростомъ и помоложе

— Такъ скоро, говоришь, и за работу приняться можно?—спросилъ Петръ Тимофеевъ.

Глаза Ивана Федоровича радостно сверкнули.

— И то заждались!—проговорилъ онъ.—Вѣдь цѣлыхъ десять лѣтъ строили печатный дворъ!

— Былъ ты сегодня тамъ?—спросилъ Петръ.

Иванъ Федоровъ утвердительно кивнулъ головой.

— Все въ исправности. Станки уже готовы,—отвѣтилъ онъ.—Домъ хорошій и просторный. Свинца заготовлено достаточно.

— А что сначала будемъ начинать?—спросилъ Петръ.

— Дѣянія апостольскія, Посланія соборныя и святого апостола Павла Посланія,—отвѣтилъ Иванъ Федоровъ.

Нѣсколько минутъ собесѣдники сидѣли молча, каждый погруженный въ свои думы.

— А помнишь, какъ мы учились?—спросилъ вдругъ съ улыбкой Федоровъ.

— Еще бы не помнить!—отвѣтилъ Петръ.

Ужъ болѣе десяти лѣтъ, какъ оба эти человѣка были прекрасно знакомы съ типографскимъ дѣломъ.

Московское государство, еще при царѣ Иванѣ III, было въ близкихъ сношеніяхъ съ Италіей и въ особенности съ Венеціей, откуда въ Россію часто прибывали художники и разные ремесленники.

Что же касается Венеціи, то этотъ городъ былъ однимъ изъ первыхъ городовъ, въ которыхъ раньше всего процвѣло типографское искусство.

Прекрасно по тому времени образованные, Федоровъ и Мстиславецъ, интересовавшіеся очень всякими изобрѣтеніями, часто бесѣдовали съ иностранными художниками и мастерами о жизни за границей и одинъ изъ мастеровъ разсказалъ имъ однажды о типографіи.

Для Ивана Федорова это было настоящимъ откровеніемъ.

— Вотъ бы у насъ!—мечталъ онъ часто.

Вѣдь раньше, до этого времени, въ Россіи существовали лишь рукописныя книги.

Переписываніе книгъ служило единственнымъ источникомъ ихъ размноженія.

Самая же переписка священныхъ книгъ существовала на Руси съ древнѣйшихъ временъ и начало переписыванія относятъ къ началу шестого вѣка.

Обыкновенно переписывали книги монахи въ монастыряхъ. Тогда еще не писали такъ, какъ мы, а каждую букву старательно вырисовывали.

Нѣкоторые переписчики дѣлали это особенно искусно.

Иногда перепиской занимались и міряне и даже сами князья.

Въ монастыряхъ книги переписывались не только для себя, но и для продажи.

Но, конечно, главныя и болѣе полныя первыя библіотеки образовывались при монастыряхъ.

Дѣти учились читать по псалтырямъ въ церквахъ, но книги вообще были очень рѣдки, а главное, стоили очень дорого и были поэтому очень недоступны.

Но чѣмъ больше увеличивалось Московское государ-

ство, чѣмъ больше строилось церквей, тѣмъ больше ощущалась нужда въ книгахъ.

Уже не хватало для переписки монашескихъ рукъ и перепиской стали заниматься „дьяки“.

Наполовину безграмотные, эти люди, переписывавшіе книги исключительно для продажи на ярмаркахъ, часто дѣлали въ книгахъ ошибки, пропуски и съ каждымъ годомъ книги становились все хуже и хуже.

И вотъ, въ такое-то время, Иванъ Федоровъ узналъ о способѣ печатанія.

Но бѣдность не позволяла ему осуществить свою завѣтную мечту и, лишь когда самъ царь задумалъ завести въ Россіи первую типографію, Иванъ Федоровъ воспрялъ духомъ.

Все это вспомнилось ему, сидя съ Мстиславцемъ въ своей горницѣ.

— Теперь иначе дѣло пойдетъ, — радостно произнесъ Иванъ Федоровъ. — Надо только людей обучить. Отливать буквы и набирать я самъ умѣю.

— А я хоть и хуже тебя обученъ, да тоже сумѣю помочь тебѣ, — проговорилъ Мстиславецъ. — На станкахъ-то мы людей поставимъ, дѣло не мудреное.

— Вѣстимо, — согласился Иванъ Федоровъ. — А ну, пойдемъ-ка на печатный дворъ. Завтра начнемъ, такъ надо еще разъ осмотрѣть все.

Мстиславецъ кивнулъ головой.

Одѣвшись, оба вышли изъ дома и отправились въ типографію.

Нѣсколько слугъ уже ждали ихъ тамъ.

Проста была типографія въ тѣ времена.

Буквы отливались каждая отдѣльно.

Изъ нихъ набиралась страница. Затѣмъ буквы покрывались краской, причемъ заглавныя буквы покрывались отдѣльно красной краской, а остальныя—черной.

Затѣмъ страница набора клалась въ самый обыкновенный станокъ, похожій на прессъ, и каждая страница печаталась отдѣльно.

Поэтому-то, чтобы печатать одновременно нѣсколько страницъ, нужно было имѣть и нѣсколько станковъ.

Тяжела и кропотлива была типографская работа въ тѣ времена, но все же она была скорѣе, нежели ручная переписка, да и вѣрнѣе.

Обойдя печатный дворъ, осмотрѣвъ котлы для плавленія свинца и станки, Федоровъ и Мстиславецъ вышли изъ дома и разошлись каждый къ себѣ.

А на слѣдующій день началась давно жданная работа. Послѣ молебна и освященія печатнаго дома, на которомъ присутствовалъ самъ царь Иванъ IV, новое зданіе словно ожило.

Запылалъ огонь подъ котломъ со свинцомъ.

Иванъ Федоровъ и Мстиславецъ дѣятельно принялись за работу.

По заранѣе сдѣланнымъ рисункамъ, они выдѣлывали сначала каждую славянскую букву отдѣльно изъ дерева, затѣмъ по ней дѣлали формочки изъ алебастра и глины, а въ этихъ формочкахъ уже отливали буквы изъ свинца.

Нѣсколько человѣкъ, спеціально къ первопечатнику приставленныхъ, должны были учиться отъ него новому для Россіи дѣлу.

Кропотливая была эта работа, но въ умѣлыхъ рукахъ Ивана Федорова и Мстиславца она такъ и кипѣла.

День прошелъ незамѣтно.

Но зато въ концѣ дня Ивану Федорову и его товарищу удалось вырѣзать изъ дерева нѣсколько буквъ.

На слѣдующій день и всю недѣлю продолжалась та же самая работа, пока, наконецъ, въ рукахъ перваго типографа не очутились всѣ буквы, большія и маленькія, славянскаго алфавита.

— А теперь и за формы можно приняться!—весело произнесъ онъ.

Но вотъ были приготовлены и формочки.

И Иванъ Федоровъ, вмѣстѣ съ Мстиславцемъ, приступилъ къ отлитію буквъ.

Приготовленные для буквъ ящички быстро наполнялись шрифтомъ, который послѣ отлива тщательно подчищали, сглаживая неровности.

Радостно работали Федоровъ и Мстиславецъ, да и остальные ученики не отставали отъ нихъ.

Иногда печатный дворъ посѣщалъ самъ царь и бояре. Царь Иванъ Васильевичъ очень интересовался печатнымъ

Посѣщеніе Федорова Иваномъ Грознымъ.

дѣломъ и считалъ его святымъ дѣломъ, потому что назначеніе типографіи и заключалось въ печатаніи священныхъ книгъ.

Большая радость была для Федорова, когда изъ-подъ станка вышла первая страница книги.

— А вѣдь красиво вышло!—радостно говорилъ онъ, разглядывая свѣжую страницу, на которой ярко выдѣлялись заглавныя красныя литеры и причудливая виньетка

Но за первой страницей была напечатана вторая, третья и... работа пошла.

Каждый дѣлалъ свое дѣло.

Ученики постепенно подучились.

Кто отливалъ буквы, кто дѣлалъ формочки, кто печаталъ.

Лишь наборъ страницъ Федоровъ производилъ самъ, вмѣстѣ съ Мстиславцемъ, не довѣряя другимъ. Сами же они исправляли и ошибки въ наборѣ, то-есть корректировали наборъ.

Тяжела и медленна была эта работа, но тяжесть труда не умаляла энергіи работниковъ.

— Я работаю во славу Бога! — часто говорилъ Иванъ Федоровъ.—Работа для Господа Бога самая радостная работа!

Царь не жалѣлъ казны на это дѣло, и работа, хотя и медленно, но все время подвигалась впередъ.

Прошло полтора года, и первая книга была закончена и отпечатана въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ.

Торжественно были перенесены книги въ царскій дворецъ и царь самъ поблагодарилъ первопечатниковъ за исполненную работу.

Благословилъ ихъ и митрополитъ.

— Для Бога старались, за Богомъ работа ваша не пропадетъ,—проговорилъ онъ.

Отпечатанныя книги были частью оставлены въ Москвѣ, частью отосланы въ Казанское царство епископу Гурію, который долженъ былъ разослать ихъ по вновь строющимся церквамъ.

А Федоровъ и Мстиславецъ долго и усердно молились послѣ выпуска первой русской печатной книги, благодаря Бога за то, что Онъ помогъ имъ свершить это дѣло.

Покончивъ съ „Дѣяніями апостольскими“, Иванъ Федоровъ принялся вновь за работу.

Теперь онъ сталъ набирать вторую книгу, „Часовникъ“.

Дѣяніа стыхъ аплъ списанїе стаго ... Луки

Первое оубо слово сотворихъ о всѣхъ. о Феофиле. о нихже начатъ Іс, творити же и оучити. до негоже дне, заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ, ихже избра вознесеся. пред нимиже и постави себе жива по страданіи своемъ. во мнозѣхъ истинныхъ знаменіихъ. деньми четыридесятьми являяся имъ и глаа яже о цртвіи бжіи. сними же ияды, повелѣваше имъ от Іерусалима не отлучатися. но ждати обѣтованіе отче, еже слышасте от мене. яко Іоаннъ оубо кртилъ есть водою. вы же имате креститися дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ. Они же оубо сшедшеся, вопрашаху За а а

въ стую и великую на пасхи. и на вознесеніе

гне

Первая печатная русская книга.

Шли дни и мѣсяцы, проходили годы, а въ печатномъ дворѣ все кипѣла работа.

Каждый заходившій туда всегда неизмѣнно видѣлъ тамъ Ивана Федорова и Мстиславца.

Прикрытый спереди кожанымъ фартукомъ, весь черный отъ свинцовой пыли, Иванъ Федоровъ цѣлыми днями возился надъ шрифтами и наборомъ, лишь съ наступленіемъ темноты уходя домой.

Прошелъ годъ, и изъ первой русской ти ографіи вышла вторая печатанная книга.

Это былъ „Часовникъ".

Иванъ Федоровъ работалъ безкорыстно.

Онъ работалъ не ради денегъ, не ради наживы, а ради идеи, считая свою работу подвигомъ для Бога, сознавая, что его работа должна принести огромную пользу людямъ.

И царь Иванъ Васильевичъ, и митрополитъ, и бояре прекрасно видѣли это, и всѣ, кто только зналъ этого преданнаго дѣлу человѣка, глубоко уважали его.

Покончивъ со второй книгой, Иванъ Федоровъ принялся за третью.

Это было—Евангеліе.

Иванъ Федоровъ не зналъ устали и только по праздникамъ прекращалъ работу.

Царь съ удовольствіемъ продолжалъ слѣдить за его работой, отпуская на нее столько казны, сколько находилъ необходимымъ Иванъ Федоровъ.

Вмѣстѣ съ боярами, онъ время отъ времени посѣщалъ „печатный дворъ", смотрѣлъ на работу и долго просиживалъ тамъ.

Шли мѣсяцы и годы.

И вотъ наступилъ наконецъ 1568-й годъ.

Увлеченный своей работой, Иванъ Федоровъ готовился уже къ выпуску перваго печатаннаго Евангелія, не замѣчая грозы, которая собиралась надъ его головой.

А гроза, между тѣмъ, собиралась не шуточная.

Не думалъ и не гадалъ Иванъ Федоровъ, что, благо-

даря своей работѣ, онъ нашелъ себѣ многихъ сильныхъ враговъ.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ многочисленнѣе становились эти враги.

III.

Былъ пасмурный день и на грязныхъ улицахъ Москвы шныряли одни бѣдняки.

Обѣденный часъ прошелъ — по обычаямъ того времени весь городъ погрузился въ послѣобѣденный сонъ.

Спалъ и царь, спали бояре, спали и купцы, на время закрывъ свои лавки.

И вотъ въ такое-то время изъ Ильинскихъ воротъ вышелъ небольшого роста человѣкъ, одѣтый въ черную рясу и скуфейку.

Выйдя на площадь, онъ оглянулся во всѣ стороны и, увидавъ стоявшаго около стѣны мужчину, одѣтаго въ не очень богатый кафтанъ, быстро подошелъ къ нему.

— А я ужъ давно жду, — проговорилъ мужчина въ кафтанѣ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ угрюмымъ, поросшимъ густой бородой лицомъ.

— Не могъ никакъ. Въ приказѣ работы навалили,— отвѣтилъ пришедшій.—Потомъ опять же благочинный задержалъ.

— Сейчасъ-то свободенъ?

— Свободенъ. Потому и пришелъ. Ну, идемъ, Матвѣичъ, наши должно уже давно собрались. Да безъ насъ ничего не рѣшатъ.

— И то пойдемъ. Время-то вонъ какъ бѣжитъ,— отвѣтилъ Матвѣичъ. — Безъ тебя, Тимофей, дѣла не будетъ. Тебя они скорѣе послушаютъ.

— Да и дѣльнѣе скажу.

— Еще бы! На своей шкурѣ испытываешь.

Дьякъ Тимофей тяжко вздохнулъ.

— Послѣднія времена приходятъ!—произнесъ онъ со вздохомъ. —Антихристово наводненіе! До сихъ поръ люди для Бога сами трудились, а теперь митрополитъ вонъ что завелъ!

И нагнувшись къ самому уху своего собесѣдника, онъ тихо прошепталъ:

— Самъ царь туда ходитъ и ту работу одобряетъ! Ну, да ужо поговоримъ подробнѣе, а пока что пойдемъ-ка поскорѣе. Чай, и то уже заждались.

Они молча пошли по улицамъ, не говоря другъ съ другомъ.

Вотъ они свернули къ Москвѣ-рѣкѣ, затѣмъ переулкомъ повернули налѣво и остановились около калитки небольшого деревяннаго дома.

Матвѣичъ дернулъ веревку и во дворѣ суетливо зазвенѣлъ колокольчикъ и раздался отчаянный лай цѣпной собаки.

— Кто тутъ?—раздался спустя нѣкоторое время тихій голосъ.

— Свой, Михѣичъ, свой!—отвѣтилъ Тимофей.

— Входите со Христомъ, — послышался отвѣтный голосъ и калитка медленно отворилась.

Старикъ Михѣичъ, владѣлецъ дома, поздоровался съ пришедшими и, пропустивъ ихъ во дворъ, снова заперъ калитку.

— Ну, поздненько, поздненько!—проговорилъ онъ.— Давно уже всѣ въ сборѣ, только васъ и дожидались..

И обернувшись къ рвавшейся на цѣпи собакѣ, онъ прикрикнулъ:

— Цыцъ, оглашенная! Ну, чего ты!

Одинъ за другимъ гости и хозяинъ вошли въ домъ, стоявшій посреди двора. Окна со стороны улицы были прикрыты деревьями и съ улицы, даже влѣзши на за-

боръ, нельзя было увидѣть того, что дѣлается внутри дома.

Пришедшихъ уже ждали.

Въ просторной горницѣ стояло и сидѣло на лавкахъ человѣкъ сорокъ народу. Это были все мужчины, часть которыхъ были одѣты въ монашескія одежды и въ рясы бѣлаго духовенства.

Собравшіеся шумно встрѣтили пришедшихъ.

Первое время говорили безпорядочно и никто никого не слушалъ.

Но вотъ дьякъ Тимофей выступилъ впередъ и поднялъ руку въ знакъ того, что онъ хочетъ держать рѣчь.

Легкій шепотъ пронесся по собранію и понемногу всѣ смолкли вперивъ взоры въ дьяка.

— Братья,—громкимъ голосомъ заговорилъ дьякъ.— Видно, побѣдилъ нечистый Русь православную. Вѣдомо каждому изъ васъ, что испоконъ вѣковъ книги священныя ручно писались и Богу угодны тѣ люди были, что этимъ святымъ письмомъ занимались. Видано ли дѣло было, чтобы святая книга, вмѣсто того, чтобы праведной рукой переписана была, на машинахъ дьявола печаталась...

Глухой ропотъ пронесся по собранію.

— Божеское забыли! На машинахъ, что отъ дьявола исходятъ, стали святое писаніе переписывать!—раздались негодующіе возгласы.

— И людямъ праведнымъ, что для Бога угодное дѣлали, теперь мочи не стало той перепиской заниматься,—продолжалъ дьякъ,—потому машина дешево и скоро то дѣло дѣлаетъ, а и честныхъ людей тѣ машины хлѣба лишили, на голодъ обрекли. А все виноватъ Иванъ Ѳедоровъ—дьяконъ и Мстиславецъ, царя и митрополита сѣтями дьявола опутавшіе.

— Истинно дьявольскими сѣтями!—раздались возгласы.

— И не нашъ ли долгъ передъ Богомъ и людьми

отъ того зла землю избавить и къ древнимъ обычаямъ людей вернуть?—снова заговорилъ хитрый дьякъ.—Не нашъ ли долгъ людей, дьяволомъ ниспосланныхъ и имъ вразумленныхъ, анафемѣ и смерти лютой предать?

Яростные крики наполнили комнату.

Конечно, врядъ ли кто-нибудь, изъ числа собравшихся тутъ, вѣрилъ въ то, про что говорилъ дьякъ, но здѣсь собрались люди интересы которыхъ были сильно затронуты Иваномъ Федоровымъ.

Всѣ собравшіеся здѣсь были дьяки, монахи и міряне, спеціально занимавшіеся перепиской священныхъ книгъ для продажи, отъ которой они имѣли хорошій доходъ.

И вдругъ появилось печатаніе.

Переписчики уже черезъ три года прекрасно поняли, что типографскіе станки скоро совершенно вытѣснятъ ручной способъ переписки.

И вполнѣ понятно, что они съ ненавистью смотрѣли на это новшество, благодаря которому отъ нихъ ускользалъ крупный заработокъ.

Но больше всего, конечно, они ненавидѣли тѣхъ, кто работалъ на этихъ новыхъ машинахъ и училъ работѣ другихъ.

Ярости ихъ къ Ивану Федорову и къ Мстиславцу не было предѣла.

Долго волновалось собраніе, долго грозные крики и проклятія оглашали воздухъ и люди метались какъ угорѣлые.

Но вотъ дьякъ снова поднялъ руку и снова всѣ притихли, желая послушать, къ чему клонитъ свою рѣчь умный дьякъ.

— Такъ какъ же, братья?—громко спросилъ дьякъ.

Собраніе угрюмо молчало.

— А не итти ли намъ на площадь?—возвышая голосъ, заговорилъ дьякъ.—Не собрать ли народъ православный, не повѣдать ли о томъ, что люди Бога забыли и святое писаніе на дьявольскихъ машинахъ печатать стали? Пусть народъ православный скажетъ свое слово!

— Идемъ на площадь! Повѣдаемъ народу!—раздались голоса.—Доколѣ терпѣть будемъ!

Люди волновались, кричали, перебивали другъ друга.

— Такъ идемте же, братья!—крикнулъ дьякъ.—Только выходить чуръ по одиночкѣ, чтобы незамѣтно было, что отъ насъ это исходитъ.

И одинъ за другимъ, переписчики стали выходить изъ дома.

А тѣмъ временемъ Иванъ Федоровъ горячо молился, стоя на колѣняхъ.

Сегодня для него былъ третій торжественный день.

Въ этотъ день онъ окончилъ печатаніе Евангелія и перенесъ готовыя книги въ царскія палаты.

И, по обыкновенію, онъ благодарилъ Бога за то, что Онъ сподобилъ его, недостойнаго раба, выполнить этотъ трудъ.

Радостный и умиленный, глядѣлъ онъ на образъ, когда вдругъ въ машинную горницу вбѣжалъ блѣдный и запыхавшійся одинъ изъ его учениковъ.

— Иванъ Федоровъ, Иванъ Федоровъ!—крикнулъ онъ.

— Что такое? Что случилось? — испуганно воскликнулъ первопечатникъ, вскакивая на ноги.

— Тамъ... тамъ на площади...—заикаясь заговорилъ прибѣжавшій.

— Что на площади?—удивленно спросилъ Федоровъ.

— Народъ... бунтъ... — задыхаясь продолжалъ ученикъ.—Дьяки и переписчики подняли.. Наши машины работой дьявола называютъ, тебя и Мстиславца извести хотятъ...

Иванъ Федоровъ стоялъ какъ пораженный громомъ и слышалъ эту рѣчь, не вѣря своимъ ушамъ.

— Сюда идутъ!.. Спасайтесь! — быстро продолжалъ ученикъ.—Дайте толпѣ опомниться!.. Убьютъ они васъ, яростью великой одержимы!

И прежде нежели Иванъ Федоровъ пришелъ въ себя,

онъ схватилъ его за рукавъ и потащилъ къ черному ходу.

Иванъ Федоровъ машинально слѣдовалъ за нимъ, потрясенный и растерянный.

Словно ребенокъ далъ онъ увести себя съ „печатнаго двора", словно во снѣ шелъ какими-то улицами и переулками, пока ученикъ не привелъ его въ домишко своей матери, стоявшій почти на самомъ краю города.

Спустя нѣсколько минутъ сюда же привели и Мстиславца.

И оба труженика долго съ тоской и грустью глядѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая одинъ другого, какъ могло все это случиться?

Такъ вотъ чѣмъ отблагодарилъ ихъ суевѣрный, дикій народъ за ихъ пятилѣтній, безкорыстный, просвѣтительный трудъ.

Слезы горькой обиды дрожали на ихъ рѣсницахъ.

А тѣмъ временемъ около печатнаго двора уже разыгрывалась дикая сцена.

Огромная толпа, взвинчиваемая переписчиками книгъ, съ яростными криками приблизилась къ „печатному двору", требуя выдачи Ивана Федорова и Мстиславца.

Суевѣрная и темная, эта толпа не слушала никакихъ уговоровъ.

Напрасно одинъ изъ бояръ, поспѣшившій по приказу царя, которому донесли о бунтѣ, со стражей къ „печатному двору", старался усовѣстить толпу.

Никто его не слушалъ.

— Дай намъ слугъ дьявола!—кричала толпа.

И если бы не стража, толпа непремѣнно ворвалась бы въ домъ и уничтожила всѣ машины.

Но вооруженная стража отбила домъ.

И мало-по-малу толпа медленно разошлась, кляня Ивана Федорова, какъ главнаго руководителя и виновника, обѣщая убить его при первой же встрѣчѣ.

Цѣлый день чернь искала первопечатника и его

помощника въ городѣ и оставаться далѣе въ Москвѣ становилось все опаснѣе и опаснѣе.

Приверженцы Ивана Федорова и Мстиславца все время уговаривали ихъ бѣжать.

— Пройдетъ время, народъ успокоится и пойметъ, что святое дѣло вы дѣлали!—убѣждали они.—Что толку въ томъ, что васъ убьютъ безъ пользы.

Хмурый и охваченный тоской, слушалъ Иванъ Федоровъ эти рѣчи.

— Идите, бѣгите,—увѣщевали его друзья.—Не то найдутъ васъ и на наши головы бѣда упадетъ и пріютившимъ васъ пощады не будетъ.

Эти слова подѣйствовали.

Не таковъ былъ Иванъ Федоровъ, чтобы накликать бѣду на другихъ.

Онъ медленно поднялся съ мѣста, провелъ рукой по волосамъ, какъ бы желая стряхнуть съ себя тяжелый кошмаръ, и взглянулъ на Мстиславца.

Ночь склонилась надъ землей.

Заснула буйная Москва, потемнѣли улицы.

И вотъ изъ маленькаго домика на окраинѣ вышли два человѣка съ котомками за плечами и не спѣша направились по большой дорогѣ за городъ.

Путники эти были дьяконъ Иванъ Федоровъ и Мстиславецъ.

Съ сердцами, разрывавшимися отъ тоски, покидали они родной городъ, гдѣ осуществили было свои мечты, гдѣ съ неустаннымъ трудомъ проработали столько лѣтъ и откуда теперь должны были бѣжать словно преступники.

Тихая, темная ночь скрывала ихъ отъ враговъ.

Вотъ они вышли за городъ, словно сговорившись вдругъ остановились, обернулись и стали молиться, глядя на темные, едва видимые силуеты колоколенъ и церквей.

Потомъ глубоко вздохнули и молча побрели дальше.

IV.

Дологъ и труденъ былъ путь этихъ честныхъ тружениковъ.

Безъ денегъ и безъ особенныхъ запасовъ, захвативъ съ собою только самое необходимое, путники испытали много бѣдствій на-своемъ пути.

Но не таковъ былъ Иванъ Федоровъ, чтобы его могли остановить жизненныя невзгоды.

Бодро шелъ онъ впередъ, подбадривая Мстиславца, глубоко вѣря въ то, что найдетъ такое мѣсто и людей, гдѣ можно будетъ снова взяться за прерванную работу.

И его вѣра оправдалась-таки.

Прошло много дней, прежде нежели наши первопечатники добрались до литовскаго города Бѣлостока, недалеко отъ котораго жилъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ гетманъ Ходкевичъ.

Тутъ Иванъ Федоровъ простился съ товарищемъ.

— Пойду въ Вильно,—объявилъ Мстиславецъ.—Авось тамъ что-нибудь себѣ найду.

И сердечно простившись съ Иваномъ Федоровымъ, онъ ушелъ.

Подумавъ немного, Иванъ Федоровъ отправился къ гетману.

Ласково принялъ его гетманъ. Онъ подробно разспросилъ Федорова о его жизни, о работѣ и съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ его разсказъ о томъ, какъ онъ работалъ въ Москвѣ и какъ былъ изгнанъ оттуда.

— Темный народъ, темный! -- проговорилъ гетманъ.

И вдругъ улыбнувшись, онъ проговорилъ:

— Ну, отецъ дьяконъ, не печалься! Не посчастливилось тебѣ въ Москвѣ, авось посчастливится здѣсь. Дѣло твое святое, а святому дѣлу и помочь нужно. Денегъ я тебѣ дамъ. Устраивай тутъ типографію и работай.

Несказанно обрадовался этимъ словамъ неутомимый труженникъ.

— Богъ не оставитъ тебя за это! — воскликнулъ первопечатникъ.—А мнѣ-то какъ радостно, какъ хорошо и весело!

— Радъ и я,—улыбнулся гетманъ.—Поди во флигель, тамъ тебѣ покажутъ, гдѣ тебѣ помѣститься. А я попозже приду и мѣсто подъ типографію найду.

Поклонившись гетману, Иванъ Федоровъ вышелъ изъ горницы.

Онъ, еще покидая Москву, успѣлъ захватить съ собою кое-какія типографскія принадлежности и теперь, лишь только очутился въ отведенномъ ему помѣщеніи, тотчасъ же принялся разбирать свои сокровища.

За этимъ занятіемъ и засталъ его гетманъ. Они вмѣстѣ обошли усадьбу, осмотрѣли строенія и выбрали подходящее подъ типографію.

Съ этого дня и закипѣла работа.

Получивъ отъ гетмана необходимыя деньги, Иванъ Федоровъ съѣздилъ въ городъ за покупкой необходимыхъ предметовъ, самъ заказалъ станки кузнецамъ и все время слѣдилъ за работой, не отходя отъ мастеровъ.

Онъ такъ и сіялъ отъ радости.

Но вотъ, наконецъ, все было готово. Нанявъ четыре подводы, Иванъ Федоровъ нагрузилъ на нихъ свой драгоцѣнный грузъ и повезъ его въ Заблудово, купивъ заодно въ монастырѣ нѣсколько священныхъ хорошихъ рукописныхъ книгъ, съ которыхъ надо было дѣлать наборъ.

Закипѣла работа въ имѣніи.

Гетманъ Ходкевичъ былъ человѣкъ умный и образованный, любилъ искусство и книги и самъ слѣдилъ за работой первопечатника.

Передъ началомъ работы былъ отслуженъ молебенъ, и Иванъ Федоровъ горячо помолился, прося у Бога помощи въ своей будущей работѣ.

И вотъ торжественный часъ наступилъ.

Сначала Иванъ Федоровъ отлилъ шрифта, потомъ набралъ страницы.

И вотъ загромыхали станки.

А изъ-подъ нихъ одинъ за другимъ стали выходить новые листы.

Неутомимо работалъ Иванъ Федоровъ, подавая листъ за листомъ. Проходили дни и недѣли и, наконецъ, первая книга была отпечатана.

За ней послѣдовала другая книга.

Но и тутъ не повезло первопечатнику. Все было бы хорошо, если бы гетманъ не страдалъ головными болями. Сильно страдалъ отъ нихъ гетманъ.

А грохотъ печатныхъ станковъ только увеличивалъ его страданія.

И вотъ однажды гетманъ не выдержалъ. Призвавъ къ себѣ Ивана Федорова, онъ объявилъ ему, что не можетъ переносить стука и что поэтому надо прекратить работу. Съ болью въ сердцѣ выслушалъ эти слова Иванъ Федоровъ..

Но если гетманъ и прекратилъ работу, то это еще не значило, что онъ выпроваживалъ Ивана Федорова. Наоборотъ, онъ привыкъ и полюбилъ этого честнаго труженника и вовсе не хотѣлъ разставаться съ нимъ.

— Живи тутъ съ миромъ,—сказалъ онъ Федорову.— Дарю тебѣ въ полное владѣніе помѣстье, что находится недалеко отсюда. Не очень велико оно, да съ тебя хватитъ, чтобы жить безбѣдно.

Но Федоровъ тихо покачалъ головой.

— Спасибо, гетманъ, за ласку,—проговорилъ онъ.—А только не нужно мнѣ твоего помѣстья. И желаю я вмѣсто житныхъ сѣмянъ духовныя сѣмена по вселенной разсѣвати.

Гетманъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Ты отказываешься отъ подарка?

— Я убоялся Христа моего, который спроситъ: лукавый рабе зачѣмъ не отдалъ серебра Моего, а закапалъ талантъ свой въ землю?—тихо отвѣтилъ первопечатникъ.

И какъ ни уговаривалъ его гетманъ принять подарокъ, Федоровъ категорически отказался принять его.

И вотъ однажды, простившись съ добрымъ гетманомъ, Федоровъ снова пустился въ путь.

V.

Долго путешествовалъ Федоровъ, пока не дошелъ, наконецъ, до галицкаго города Львова.

Сурово и непривѣтливо встрѣтилъ его незнакомый городъ. Въ то время въ этомъ городѣ, при церкви Успенія, было образовано братство.

Безъ копейки денегъ, полуголодный пришелъ туда Иванъ Федоровъ.

Съ глубокой вѣрой склонился онъ на колѣни передъ церковью, моля Бога о дарованіи ему силъ и средствъ потрудиться для духовнаго просвѣщенія народа.

— Податель христіанамъ истинной мудрости, вразуми меня,—благоговѣйно шепталъ онъ.—И испытаю законъ Твой и не отыми отъ меня словесъ истины ради братій моихъ и ближнихъ.

Молитва подкрѣпила его.

И вотъ со слѣдующаго же утра, Иванъ Федоровъ сталъ мыкаться по богатымъ и знатнымъ гражданамъ.

Со слезами просилъ онъ ихъ прійти на помощь святому дѣлу, умолялъ священниковъ повѣдать въ церквахъ мірянамъ и христолюбцамъ, чтобы они помогли ему своими средствами.

Но глухи были всѣ къ его мольбамъ.

Богачи и священники не откликнулись на его призывъ.

Но зато все же нашлись люди, которые поддержали Ивана Федорова.

То, чего не сдѣлали богатые горожане и священники,

то сдѣлали нѣсколько бѣдныхъ священниковъ и небогатыхъ горожанъ.

Они собрали немного денегъ.

И Иванъ Федоровъ остался работать во Львовѣ, гдѣ и устроилъ себѣ маленькую типографію.

Но немного успѣлъ онъ сдѣлать во Львовѣ.

Тутъ изъ его типографіи вышла книга „Дѣянія апостольскія“. Въ концѣ этой книги имѣется подпись: „Іоаннъ Федоровъ, друкарь Москвитинъ“.

Но нужда шла по пятамъ за первопечатникомъ. Деньги вышли скоро, а дать больше люди не могли. Отказывая себѣ во всемъ, даже въ пищѣ, Иванъ Федоровъ всѣ деньги тратилъ на типографію. А нужда съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ, стало не хватать и на хлѣбъ.

Какъ ни грустно было Ивану Федорову, но работу надо было прекратить.

Со слезами на глазахъ призвалъ онъ одного еврея и заложилъ у него всѣ свои типографскіе инструменты, формы и сто сорокъ рукописныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, которыми такъ дорожилъ.

Но что было дѣлать?

Нужда не давала пощады.

Слышалъ Иванъ Федоровъ много про воеводу кіевскаго, князя Константина Острожскаго, слышалъ, что человѣкъ онъ образованный, и послалъ ему письмо.

Скоро пришелъ и отвѣтъ, въ которомъ князь приглашалъ первопечатника къ себѣ.

И вотъ, получивъ деньги подъ закладъ своего имущества, Иванъ Федоровъ отправился въ Острогъ.

Князь Острожскій задумалъ большое дѣло.

Ему хотѣлось отпечатать цѣликомъ не только всю Библію, но и всѣ книги Стараго и Новаго Завѣта.

А сдѣлать это было не легко.

Въ тѣ времена хорошія библіотеки были рѣдкостью и если существовали, то только при монастыряхъ. А полнаго списка у Ивана Федорова не было. Каждую

книгу надо было отыскивать отдѣльно, а это отнимало много времени.

Но не таковъ былъ Иванъ Федоровъ, чтобы останавливаться передъ чѣмъ-либо. Повидавшись съ княземъ Острожскимъ, онъ разослалъ людей по греческимъ, русскимъ и болгарскимъ монастырямъ, давъ имъ нужныя указанія.

Вскорѣ посланные возвратились.

Но не оправдались надежды Федорова.

Правда, нѣкоторыя книги были пріобрѣтены, но многихъ не могли достать.

Оставалось единственное средство — обратиться съ просьбой о помощи къ московскому царю.

Конечно, ѣхать въ Москву самому—нечего было и думать. У Ивана Федорова тамъ было много враговъ, которые только и ждали его возвращенія.

Но князь рѣшилъ дѣло иначе.

— Не ѣхать тебѣ туда,—сказалъ онъ.—А вотъ напишу я царю грамоту и попрошу у него помощи. Авось царь не откажетъ мнѣ.

— Правду, князь, говоришь,—отвѣтилъ, подумавъ, первопечатникъ.—Царь любитъ это дѣло и не его была воля, что меня изгнали изъ Москвы. Мое дѣло ему вѣдомо и любо, а коли любо, такъ и помочь онъ не откажется.

И вотъ полетѣлъ въ далекую Москву гонецъ къ царю Ивану Васильевичу.

А тѣмъ временемъ не дремалъ и Иванъ Федоровъ.

Имѣя хорошую поддержку, онъ быстро поставилъ типографію. Не забылъ онъ и предметовъ, оставленныхъ въ закладъ у еврея.

Къ этому еврею князь послалъ человѣка съ деньгами и вскорѣ посланный вернулся изъ Львова, привезя съ собой и заложенные инструменты и сто сорокъ рукописныхъ книгъ.

Князь Острожскій, какъ и царь Иванъ Васильевичъ,

не скупился на деньги, приказывая выдавать Ивану Федорову столько казны, сколько тотъ находилъ нужнымъ.

Но скроменъ былъ русскій первопечатникъ.

— Для Господа моего Іисуса работаю я, а не для себя,—говорилъ онъ.

На себя онъ тратилъ только необходимое, постоянно живя въ бѣдности, отказывая себѣ во всемъ.

Его радость и счастье были въ работѣ, которой отдавалъ всю свою душу и все свое время. Князь Острожскій только диву давался, глядя на него.

— Святой человѣкъ,—часто говорилъ онъ боярамъ.— Богъ за нимъ стоитъ.

И дѣйствительно, можно было только диву даваться, глядя на неутомимаго первопечатника.

Ни житейскія бури, ни невзгоды не поколебали его энергіи.

Между тѣмъ прибыли и послы изъ Москвы, которые привезли съ собою много нужныхъ книгъ.

— Охотно помогъ намъ царь,—разсказывали они.— Какъ прочиталъ письмо князя, такъ сейчасъ же повелѣлъ искать книги по всѣмъ монастырямъ.

— Я такъ и зналъ,—кивая головой, говорилъ Иванъ Федоровъ.

— И митрополитъ помогалъ,—продолжали разсказывать пріѣхавшіе.—Въ обитель Сергія Преподобнаго послали и оттуда многое привезли. И насъ даромъ государь пожаловалъ и наказывалъ князю нашему, чтобы книги, которыя отпечатаны будутъ, и ему прислали. А тебѣ, Иванъ, свой царскій поклонъ прислалъ

— Спасибо великому государю.

Теперь все было готово.

И опять въ новой, по счету четвертой, типографіи русской, основанной все тѣми же руками Ивана Федорова, закипѣла работа.

Шло время.

Были отлиты новые шрифты, стали набирать и печатать Библію.

Но не суждено было много сдѣлать Ивану Федорову. Вѣчное скитаніе, лишенія и тяжелый трудъ сломили силы великаго русскаго работника.

И смерть уже стояла за его плечами

VI.

Вечерѣло.

Въ просторной комнатѣ было тихо и какъ-то жутко.

Въ углу, передъ образами тихо мигали лампады, озаряя тусклымъ, мигающимъ свѣтомъ и горницу и широкую постель, на которой лежалъ умирающій русскій первопечатникъ.

Задумчиво глядѣлъ больной въ пространство, словно стараясь проникнуть взоромъ въ ту новую жизнь, куда ему скоро предстояло перейти отъ бренной, земной жизни.

И въ эти послѣднія минуты онъ не думалъ о себѣ. Умирая, онъ жалѣлъ лишь о томъ, что такъ мало успѣлъ сдѣлать при жизни.

Князь Острожскій и нѣсколько близкихъ къ первопечатнику людей сидѣли въ горницѣ, съ грустью глядя на умирающаго труженика, который всегда снискивалъ къ себѣ любовь людей. Блѣдный и сильно похудѣвшій, больной лежалъ не шевелясь, но глаза его свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ, а губы едва слышно шептали молитвы.

— Господь мой, Богъ мой! Пріими меня къ Себѣ, прости моя вольныя и невольныя прегрѣшенія, прости, что мало трудился я для Тебя, Бога моего.

И вдругъ, закрывъ глаза, онъ умолкъ.

Прошло нѣсколько минутъ, а Иванъ Федоровъ не открывалъ глаза.

Князь Острожскій медленно подошелъ къ Федорову и взялъ его за руку.

Рука была мертвенно холодна.

— Усопъ,— тихо проговорилъ князь.— И какъ чувствовалъ онъ приближеніе смерти! Пособоровался, приготовился, наставленіе своимъ помощникамъ далъ.

И перекрестивъ умершаго, князь благоговѣйно поцѣловалъ его въ лобъ.

Не стало русскаго первопечатника, но сѣмя, посѣянное имъ, выросло, разрослось и на Руси стало появляться все больше и больше типографій.

Сначала печатали только священныя книги, затѣмъ стали печатать и другія, а сами типографіи съ каждымъ годомъ все совершенствовались и становились лучше.

Скромно похоронили Ивана Федорова на острожскомъ кладбищѣ, возлѣ церкви, и князь Острожскій, отъ души любившій Федорова, приказалъ поставить на его могилѣ памятникъ.

Но прошли вѣка, могила заросла травой, сравнялась съ землей, памятникъ упалъ и самая могила первопечатника затерялась среди другихъ могилъ.

Но не затерялась людская память о Иванѣ Федоровѣ.

О первомъ русскомъ печатникѣ намъ говорятъ тѣ старинныя книги, которыя вышли изъ-подъ станковъ Ивана Федорова, друкаря московитянина.

И память первопечатника русскаго почтилъ русскій народъ.

Въ Москвѣ, на Театральномъ проѣздѣ, около древней стѣны китай-города, стоитъ теперь великолѣпный памятникъ Ивана Федорова, считающійся однимъ изъ лучшихъ памятниковъ на Руси.

Онъ такъ же простъ, какъ былъ простъ и самъ Иванъ Федоровъ.

На высокомъ пьедесталѣ стоитъ вылитая изъ бронзы фигура русскаго первопечатника.

Въ разстегнутомъ кафтанѣ и грубыхъ сапогахъ, съ задумчивымъ серьезнымъ лицомъ, обрамленнымъ длин-

ными, стянутыми ремнемъ волосами, стоитъ русскій первопечатникъ, взявшись рукой за примитивный печатный станокъ.

И словно что-то обдумываетъ.

Памятникъ Федорову въ Москвѣ.

Снуетъ мимо памятника народъ и люди невольно останавливаются передъ нимъ, съ благоговѣніемъ глядя на величественную фигуру дьякона, положившаго начало печатнаго дѣла въ Россіи.

Пройдутъ еще вѣка...

Многихъ великихъ людей не станетъ и имена ихъ изгладятся изъ памяти народной, но не умретъ никогда память объ Иванѣ Федоровѣ.

Не умретъ память о первомъ русскомъ работникѣ печатнаго дѣла.

Вѣдь это онъ создалъ первую русскую печатную книгу, первый далъ толчекъ темному русскому народу, который лишь черезъ сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія печатнаго станка Гуттенбергомъ въ Германіи узналъ, что такое печать.

И памятникъ, стоящій у стѣны Китай города лишь будетъ напоминать людямъ о человѣкѣ, внесшемъ свѣтъ въ свой народъ.

КОНЕЦЪ.

Булгаковскій. Противъ пьянства. 2-е изд., ц. 15 к.

Васильевъ, М. „На шалыгѣ“. „Въ перелѣскѣ“. Два разсказа, ц. 5 к.

— „Простой человѣкъ“. Разск., съ рис., изд. 3-е, ц. 5 к.

— „Ласточка“. Изъ исторіи одной дѣвочки. Съ рис., ц. 5 к.

— Маленькій работникъ. Разск. Съ рис., ц. 5 к.

— „Нелюдимый“. Разск., быль. Съ рис., ц. 5 к.

— „Исторія одного волченка“. Разсказъ. Съ рис., ц. 5 к.

— „Наша бабушка Анна Максимовна“, ц. 5 к.

— Молитвы въ стихахъ. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, ц. 10 к.

Васинъ, Н. Геніальный арапченокъ. Очеркъ жизни А. С. Пушкина, ц. 15 к.

— Страна черныхъ христіанъ. Описаніе Абиссиніи, ея жителей и природы, ц. 15 к.

— „Неутомимый труженикъ“. (Жизнь и путешествія Г. М. Стэнли), ц. 10 к.

— „Отъ рыбачьей хаты до Академіи“. Очеркъ жизни М. Ломоносова, съ портр., ц. 15 к.

— „Любимый дѣдушка“. Очеркъ жизни И. А. Крылова, съ портр., ц. 10 к.

— „Про обезьяну Мартышку и медвѣдя Мишку“. Сборникъ сказокъ, басенъ и статей, ц. 10 к.

— „Какъ нужно обращаться съ животными“. Сборникъ стихотвореній, басенъ и статей, ц. 30 к.

— Русскія народныя басни и сказки о звѣряхъ, ц. 15 к.

— Отчего въ морѣ вода соленая. Сказка. Съ рис., ц. 10 к.

— Изъ жизни птицъ. Составлено по Аксакову, Кайгородову, Мензбиру, Брэму и др. Съ рис., ц. 10 к.

— Вымершія чудовища. Составлено по Гетчинсону и др. Съ рис., ц. 35 к.

— Рабство и освобожденіе негровъ. Очеркъ. Съ рис., ц. 10 к.

— „Разсказы объ умѣ животныхъ“, ц. 15 к.

— „Разсказы объ оборонѣ Севастополя“. Съ рис, ц. 20 к.

— „В. А. Жуковскій“. Біографич. очер., ц. 3 к.

— „Соперники“ („Что сдѣлалъ Ваня изъ любви къ товарищу“). Разск., ц. 5 к.

— Никола Салосъ. Историч. разс., ц. 10 к.

— М. Н. Загоскинъ. Біографическій очер., ц. 5 к.

— Сибирь. Очеркъ завоеванія и заселенія Сибири, съ рис., ц. 15 к.

Владимірова, А. К. „Въ неволѣ у туркменъ и хивинцевъ“. Разс. Съ рис., ц. 10 к.

Габбертонъ. Тигръ и Букашка. Разс., ц. 30 к.

Гартвигъ. „Петръ Великій“. Изд. 2-е, ц. 10 к.

Гизланцони. Добровольцы Гарибальди. СПБ., ц. 25 к.

Голова, Е. „Петина просьба“. Разс., съ рис., ц. 5 к.

Гольцева, Н. А. Жизнь и труды Миклухи-Маклая. Съ портр. и рисун., изд. 2-е, ц. 20 к.

Гриммъ, братья. Библіотека сказокъ, собранныхъ бр. Гриммъ. Перев. подъ ред. А. Терешкевича. Изд. 2-е; вып. 1 и 2 — младшій возрастъ; 3, 4, 5 и 6 — средній возрастъ; 7, 8, 9 и 10 — старшій возрастъ. Съ рис., ц. 20 к., въ папкѣ по 2 вып. 50 к.

— „Волкъ и семеро козлятъ“. М. 99 г., ц. 3 к.

— „Мальчикъ съ пальчикъ“. М. 99 г., ц. 3 к.

— „Золотушка“. М. 99 г., ц. 5 к.

— „Бѣлоснѣжка и Розочка“. М. 99 г., ц. 3 к.

— „Шесть лебедей“. Сказка. Съ рис. М. 98 г., ц. 3 к.

— „Король Дроздова Борода“. Сказка. Съ рис., ц. 3 к.

— „Воронъ“. Сказка. Съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.

— „Бѣлолицая невѣста и сестра ея чернявка“. Сказка. Съ рис. М. 99 г. ц. 3 к.

— „Вѣщая птичка“. Сказка. Съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.

— Гусятница, ц. 5 к.

Открыта подписка на 1912 годъ

на ежемѣсячный журналъ

для дѣтей

„ВЪ ШКОЛѢ и ДОМА“.

(Второй годъ изданія).

Журналъ назначается для школьнаго и домашняго чтенія. Онъ выходитъ отдѣльными книжками, по 2—4 въ мѣсяцъ подъ общей обложкой, такъ что имъ одновременно могутъ пользоваться нѣсколько лицъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПОМѢЩАЮТСЯ:

1) Повѣсти и разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные.
2) Драматическія произведенія.
3) Стихотворенія.
4) Жизнь замѣчательныхъ людей,— біографіи выдающихся лицъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и въ жизни, какъ живыхъ, такъ и умершихъ.
5) Очерки и разсказы изъ русской и всеобщей исторіи
6) Путешествія. Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Міровѣдѣніе.
7) Разсказы и очерки изъ жизни растительнаго и животнаго царствъ.
8) Текущая жизнь. Замѣчательныя открытія изобрѣтенія Что въ данное время происходитъ на земномъ шарѣ.
9) Загадки, задачи, игры. 10) Иллюстраціи и приложенія. 11) Библіографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкой и доставкой 3 р., полгода 1 р. 50 к.

Полный комплектъ журнала за 1911 г. (34 кн.), цѣна съ пересылкой 3 р. 50 к.

Книжки журнала выходятъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Ваганьковскій пер., д. 9.

Редакторъ-издатель **М. В. Клюкинъ.**

Цѣна 10 коп.